

246024

Г-37

ГДЕ БЫЛ ПОСТРОЕН
В 1590г?

06

9
K 17-34

1952/1953

1952/53

Муром Сагай. җенуи асм.
көннесте 1941, сан. 31, с. 29-32

286024
Г-37

Гдѣ былъ построенъ Саратовъ въ 1590 г. ?

17 мая 1614 года изъ Самары были отправлены въ Астрахань для промысла надъ Ивашкой Заруцкимъ и Маринкой съ „выблядкомъ“ 6 чел. стрѣleckихъ головъ съ соответствующимъ количествомъ войска. Въ наказѣ, данномъ головамъ кн. Одоевскимъ и Головинымъ, предписывалось слѣдовать до Астрахани на спѣхъ, безостановочно. Между тѣмъ, какъ оказалось изъ отписки головъ, они нѣсколько задержались въ пути, т. к. по дорогѣ заѣзжали на Саратовское городище, гдѣ копали ямы и искали „поклажевъ“, а отъ городища заѣзжали къ Саратову „близко десять верстъ“. Объ этомъ обстоятельстве мы узнаемъ изъ выговора, сдѣланнаго стрѣльцамъ, причемъ наказная память, датированная 25 мая 1614 года, писана воеводами на „Саратовскомъ городищѣ“. *) Эта любопытная память, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, цитировалась всѣми мѣстными историками. Цитировалась она и въ подтвержденіе тѣхъ или иныхъ выводовъ и соображеній, касающихся топографіи стараго Саратова. Одни изъ историковъ основываясь на памяти, полагали, что къ 1614 году Саратовъ, построенный на лѣвомъ берегу Волги, былъ уже перенесенъ на горную сторону, а на луговой осталось его городище. **) другіе, какъ Чекалинъ, ***) основываясь гл. обр., на томъ, что въ эпоху, близкую слѣдующую за 1614 г., мы видимъ Саратовъ на лѣвомъ берегу, для объясненія „наказной памяти“ были вынуждены допустить одновременное существованіе двухъ поселеній, носящихъ имя Саратова и расположенныхъ по обимъ берегамъ Волги другъ противъ друга. То обстоятельство, что путешественники XVII в. не упоминали о Саратовѣ правобережномъ, объяснялось топографическими условіями мѣстности, якобы мѣшавшими замѣтить поселеніе на правомъ берегу Волги съ судна, идущаго лѣвымъ берегомъ. Въ самое послѣднее время П. Г. Любомировъ детально разсмотрѣвъ всѣ дошедшія до насъ письменныя свидѣтельства о старомъ Саратовѣ, путемъ привлеченія къ дѣлу картографическаго матеріала, критически освѣтивъ условія времени и мѣста, пришелъ къ выводу, что Саратовъ XVI вѣка былъ построенъ на правомъ берегу, по предположенію почтеннаго ученаго, гдѣ нибудь на территоріи нынѣшняго Саратова, въ наиболѣе старинной части его. ****) Упоминаемый въ „памяти“ Саратовъ онъ считаетъ

*) Акты Истор. т. III, стр. 441.

**) Леопольдовъ, Артемьевъ, Перетятковичъ.

***) См. напр., Саратовское Поволжье съ древнѣйшихъ временъ стр. 57—60.

****) Докладъ П. Г. Любомирова Обществу Сочиненій Саратовской Архивной Комиссии 1 февраля 1913 года.

новымъ поселеніемъ, основаннымъ уже на лѣвомъ берегу послѣ разгрома въ смутное время стараго Саратова, т. е. тамъ, гдѣ нашелъ городъ въ 1623 году Котовъ, путешествовавшій изъ Москвы на востокъ. Разбѣгая въ своемъ сообщеніи наказную память, П. Г. Любомировъ приходитъ къ заключенію, что подѣ Саратовскимъ городищемъ слѣдуетъ разумѣть развалины Увека, несомнѣнно 300 лѣтъ тому назадъ еще въ значительной степени сохранившія слѣды древняго богатаго города и соблазнившія головы порыться въ нихъ въ поискахъ за скрытыми сокровищами. Неизвѣстно, на основаніи какихъ соображеній, но весьма опредѣленно тоже самое, т. е., что въ данномъ случаѣ подѣ именемъ Саратовскаго городища слѣдуетъ понимать Увекъ, утверждаетъ и В. П. Юрьевъ *); Раздѣляя въ полной мѣрѣ мнѣніе г. Любомирова о томъ, что Саратовъ до эпохи смутнаго времени стоялъ на правомъ берегу Волги, мы не можемъ не указать на нѣкоторую натянутость утвержденія, что подѣ Саратовскимъ городищемъ необходимо видѣть Увекъ. Во первыхъ, сколько намъ извѣстно, Увекъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в. такъ и называли Увекомъ. Свидѣтельство объ этомъ намъ оставили англичанинъ Христофоръ Борро, сопровождавшій въ 1579 г. транспортъ англійскихъ товаровъ отъ устья С. Двины воднымъ путемъ до Каспійскаго моря, и книга Большого Чертежа **). Борро указываетъ даже очень точно широту Увека или, какъ онъ называетъ, „Oueak“'a (51° 31' N). Книга Б. Чертежа помѣщаетъ Увешинское городище ниже впаденія въ Волгу рѣчки Увѣши. Во всякомъ случаѣ въ описываемое время названіе этого урочища на Волгѣ было извѣстно и, думается, если-бы головы стрѣлцкіе заѣзжали для поиска поклажъ на Увекское городище, то они его этимъ извѣстнымъ волжанину именемъ и назвали-бы. Не говоримъ уже о разстояніи Увека отъ Саратова, безразлично какого:— ни при какихъ условіяхъ это разстояніе нельзя уложить въ 10 верстъ. (Отъ лѣво-бережнаго, напр., Саратова до Увека не менѣе 17—18 в.). Не считается съ этимъ обстоятельствомъ мы не имѣемъ права. Во вторыхъ, документы, напечатанные въ Актахъ Историческихъ и касающіеся экспедиціи въ Астрахань противъ Заруцкаго, достаточно рельефно рисуютъ намъ необходимость самой спѣшной посылки въ Астрахань военнаго отряда. Необходимо было „захватить змѣю еще въ норѣ“, какъ говорили казаки, и съ этою цѣлью, съ цѣлью воспрепятствовать Заруцкому скрыться изъ Астрахани и былъ посланъ передовой отрядъ на легкихъ судахъ. Отрядъ этотъ на четвертый день послѣ отправленія изъ Самары былъ уже въ Саратовѣ, несмотря на неблагоприятную погоду, но даже и такая быстрота вызвала неудовольствіе воеводъ. Былъ дорогъ каждый часъ, каждая минута. Сами воеводы съ главными силами всего на два дня отстали отъ передоваго отряда. Вмѣстѣ

*) См. его обширную статью „Саратовскій край при первыхъ Романовыхъ“, напечатанную въ № 43 „Сарат. Еѣстника“ за 1913 г. Почтенный авторъ ссылается на наличие у него никому неизвѣстныхъ и неопубликованныхъ документовъ, касающихся Заратовской старины. Почему бы ему не подѣлиться ими на пользу общую?

**) Цитирую по Фрэню: „Ueber die ehemalige mongolische Stadt Ukek etc“. Memoires de l'Academie imperiale de St.—Petersburg 1835 г.

съ тѣмъ, по какимъ-то, пока неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, головы должны были захватить и въ Саратовъ. При такой спѣшности, думается, головы не рискнули-бы прежде сплыть ниже Саратова въ Увекъ для раскопокъ, а потомъ *противъ воды* на гребныхъ судахъ возвращаться въ Саратовъ. При этой операциі промедленіе вышло-бы такъ велико, что дѣло едва-ли бы ограничилось однимъ выговоромъ. Высказанныя соображенія заставляютъ насъ отнестись съ сомнѣніемъ къ тому, что подъ именемъ Саратовскаго городища, о которомъ говорится въ наказной памяти, слѣдуетъ видѣть Увекъ. Документъ настолько ясенъ въ этомъ случаѣ, что поневолѣ приходится принять, что Саратовское городище и было въ самомъ дѣлѣ городищемъ Саратова, оставшимся послѣ его разрушенія. Разрушеніе не могло быть особенно задолго до 1614 г., было еще у всѣхъ въ памяти и поиски на городищѣ со стороны стрѣльцовъ, быть можетъ даже раньше жившихъ на этомъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ скорѣе допустимы, чѣмъ раскопки развалинъ Увека, погибшаго сотни лѣтъ назадъ. Теперь передъ нами возникаетъ вопросъ о томъ, гдѣ же лежало то городище, на которое захватили стрѣльцы. Въ связи съ этимъ вопросомъ, подлежитъ разрѣшенію и вопросъ о мѣстѣ, на которомъ былъ построенъ Саратовъ въ 1590 году. Если допустить вмѣстѣ съ Любомировымъ, что всеводы Туровъ и Засѣкинъ построили городъ приблизительно въ районѣ нынѣшней Казанской церкви, то передъ нами возникаетъ неразрѣшимый вопросъ, какъ согласовать показаніе наказной памяти о разстояніи между городищемъ и Саратовомъ съ дѣйствительнымъ разстояніемъ, отдѣляющимъ тотъ пунктъ волжскаго берега, на которомъ находится Казанская Церковь, и извѣстными намъ остатками лѣвобережнаго Саратова на стрѣлкѣ, образуемой слияніемъ Саратовки и Воложки. Если въ межень, когда ходъ по Волгѣ затрудненъ островами и песками, и можно бы съ грѣхомъ пополамъ намѣрять между этими точками десять верстъ, то въ половодье, а къ тому именно времени и приурочивается экспедиція противъ Заруцкаго, отъ праваго берега Волги до лѣваго едва-ли будетъ больше 5—6 верстъ. Остаются только два предположенія: или „память“ содержитъ въ себѣ невѣрныя данныя, или же Саратовъ 1590 года лежалъ, хотя и на правомъ берегу Волги, но не въ районѣ нынѣшняго Саратова. Для „опороченія“ показаній наказной памяти мы не имѣемъ никакихъ основаній. До настоящаго времени она ни у кого не вызывала сомнѣній. Для обоснованія второго предположенія также до самаго послѣдняго времени не имѣлось никакихъ данныхъ. Въ настоящей замѣткѣ мы попытаемся на основаніи одного ставшаго намъ недавно извѣстнымъ документа высказать нѣсколько соображеній о томъ, гдѣ слѣдовало-бы, по нашему мнѣнію, искать Саратовъ 1590 г., а съ тѣмъ вмѣстѣ и Саратовское городище наказной памяти. При составленіи описи дѣламъ, переданнымъ въ архивную комиссію сенаторомъ Рѣпинскимъ изъ сенатскаго архива, намъ попало дѣло, *) по первому взгляду не представляющее изъ себя ничего особеннаго. Заключается оно въ томъ, что титулярный

*) Дѣло Серіи „Сенат“ № 2324 за 1828 г.

совѣтникъ В. Г. Поповъ просилъ министра юстиціи отмежевать въ его владѣніе сѣнокосную пожню, состоящую въ Чардымскомъ и Курдюмскомъ займищахъ, и купленную имъ у саратовской мѣщанки Т. Смирновой. Саратовская межевая контора отказала Попову въ его просьбѣ, т. к. земля, на которой находится пожня, отходила во владѣніе г. Саратова, а Смирнова во время межеванія не представила никакихъ крѣпостныхъ на нее документовъ. Поповъ при своемъ прошеніи на имя министра представилъ, копію съ опредѣленія межевой конторы отъ 16 іюля 1827 г., въ которой, между прочимъ, перечислены и приведены дословно всѣ крѣпости на пожню доставшіяся Попову при ея покупкѣ. Располагая эти документы въ хронологическомъ порядкѣ, мы получаемъ: 1) купчую на продажу пожни Смирновой Попову 10 декабря 1826 года; 2) дарственную на пожню, выданную Смирновой ея отцомъ, пахотнымъ солдатомъ И. Я. Лапшинымъ въ мартѣ 1792 г.; 3) купчую на продажу пожни вдовой посадскаго чело-вѣка А. Никоновой саратовскому отставному пушкарю Я. Т. Лапшину 17 ноября 1758 года и 4) владѣнную запись на пожню отъ саратовскаго воеводы Г. С. Исупова саратовскому конному стрѣльцу Климкѣ Гордѣеву отъ 27 іюля 1789 г. Послѣдній документъ настолько для насъ интересенъ, что мы приводимъ его здѣсь полностью: „Лѣта 1782 (sic!) іюля въ 27-й день билъ челомъ великому государю царю и великому князю Феодору Алек-сѣевичу вся великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, а на Саратовѣ въ приказной избѣ воеводѣ Гаврилѣ Семеновичу Юсупову подалъ чело-битную саратовскій конный стрѣлецъ Климка Гордѣевъ, а въ челобитной его написано, чтобъ великій государь пожаловалъ его, велѣлъ дать поло-вину пожни Любимовской Фуфая выше *старога города Саратова* у брода въ межахъ:—по сторонѣ Спасскихъ старцевъ рубежъ сухой ерикъ, отъ горной стороны ерикъ съ водою, отъ степи пожня иноземца Ивана Корса-ка, съ нижней стороны по низамъ, коею пожнею нынѣ владѣтъ сынъ его Любимовъ Петръ Фуфаевъ. И въ прошломъ въ 188-мъ году онъ Любимовъ умре и сыну его Петру та пожня сѣнной покосъ одному велика:—стано-вится на томъ покосѣ копенъ по 100 и больше и притомъ (sic) сѣнной покосъ сумежникомъ иныхъ поженъ допросить, что на той пожнѣ становится сѣна много. И противъ челобитной и помѣты воеводы Гаврилы Семеновича Юсю-пова на Саратовѣ въ приказной избѣ передъ воеводою Гавриломъ Семено-вичемъ Юсуповымъ саратовскіе стрѣльцы Ивашка Поморицкій, Костька Саманихинъ сказали по святости Христовой евангельской заповѣди Гос-подней:—въ прошлыхъ де годахъ на *старомъ городѣ Саратовѣ* пожнею Любимъ Фуфай и въ прошломъ-де во 188 мъ году онъ Любимовъ умре, а нынѣ владѣтъ-де тою пожнею сынъ его Любимовъ Петръ и на той-де пожнѣ становится копенъ по 200 и больше и ему-де Петру одному та пожня велика. И по указу великаго государя царя и великаго князя Фео-дора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по помѣтѣ воеводы Гаврилы Семеновича Юсупова и по сей выписи велено ему Климкѣ тѣмъ сѣннымъ покосомъ половиною пожни Любима Фуфая сына его Петра съ нимъ тѣмъ сѣннымъ покосомъ владѣть. Подлинную под-

писаль воевода Гаврила Юсуповъ“. Документъ, благодаря неоднократной перепискѣ, дошелъ до насъ уже въ искаженномъ видѣ. Однако эти искаженія не настолько значительны, чтобы мы не могли возстановить его въ исправномъ видѣ. Подъ именемъ Г. С. Юсупова не трудно угадать Г. С. Исупова, бывшаго на воеводствѣ въ Саратовѣ въ 1789 г., какъ видно изъ его челобитной, находящейся въ Московскомъ архивѣ м-ва юстици. *) Также легко исправляется описка и въ началѣ текста. Изъ самой выписи видно, что она могла быть дана только въ 1789 мѣ году, а никакъ уже не въ 1782-мѣ. Предположить же, что въ текстѣ вмѣсто 1788-го долженъ быть другой, болѣе ранній годъ, нельзя потому, что: во первыхъ, въ 1782 г. воеводою въ Саратовѣ былъ М. И. Глѣбовъ, а во вторыхъ, Г. С. Исуповъ воеводствовалъ у насъ только одинъ разъ. Въ сущности, для нашихъ цѣлей совершенно было-бы безразлично въ 1782 или 1789 г. г. дана грамота. Если мы здѣсь распространяемся объ этомъ обстоятельстве, то единственно для того, чтобы устранить всякія сомнѣнія въ подлинности существованія такой выписи. Другіе, упомянутые выше документы на владѣніе позже, мы приводить не будемъ даже и въ выдержкахъ. Указали же мы на нихъ и привели въ хронологическій порядокъ для того, чтобы показать тожество пожни, отказанной въ 1681 г. К. Гордѣеву, съ той, которую въ 1782 г. купилъ Поповъ и которая находилась на земляхъ присвоенныхъ г. Саратову въ Чардымскихъ и Курдюмскихъ займищахъ. Изъ документовъ ясна преемственность владѣнія позже за время съ 1789-го по 1782 г. и съ несомнѣнной очевидностью явствуетъ, что пожня, объ отмежеваніи которой хлопоталъ Поповъ, и пожня, отданная воеводою Исуповымъ въ 1789 г. Гордѣеву, составляютъ одно и то же владѣніе. Нѣтъ надобности особенно распространяться о томъ, на которомъ берегу Волги, т. е. на горномъ или луговомъ находилась пожня. Изъ сенатскаго дѣла и приложенной къ нему копіи опредѣленія межевой конторы видно, что она вошла въ составъ саратовскихъ городскихъ земель. Это обстоятельство указываетъ на то, что пожня была на правомъ берегу Волги, если даже не обращать вниманія что владѣлецъ указываетъ положеніе ея въ Курдюмскихъ лугахъ. Уже съ половины XVIII в. Саратовцы не заявляли притязаній на земли, лежащія по луговой сторонѣ и земли эти, ставъ казенными, поступили въ надѣлъ солянымъ возчикамъ и колонистамъ. Признавъ, такимъ образомъ, что пожня Попова (Гордѣева тожь) лежала на горной сторонѣ въ Курдюмскихъ лугахъ, мы должны признать опредѣленіе ея мѣстоположенія во владѣнной выписи 1789 г. *выше стараго города Саратова, на старомъ городѣ Саратовѣ* довольно страннымъ въ томъ случаѣ если будемъ считать такимъ старымъ городомъ извѣстное намъ городище между Покровской Сл. и х. Шаловымъ на р. Саратовкѣ. Во первыхъ, это, извѣстное намъ городище, слишкомъ далеко отъ Курдюмскихъ луговъ, чтобы служить исходнымъ пунктомъ для болѣе точнаго опредѣленія положенія того или иного уголка въ

*) Челобитная напечатана въ 29-мъ вып. трудовъ Саратовской Арх. Комиссіи, стр. 77—78.

нихъ; во вторыхъ.—довольно необычно было бы опредѣленіе правобережнаго урочища по пункту, находящемуся далеко на противоположномъ берегу Волги, и въ третьихъ, если даже признать второе наше положеніе неказательнымъ такое опредѣленіе было-бы и совершенно безцѣльно. Вѣдь всѣ Курдюмскіе и Чардымскіе луга во всей своей совокупности лежатъ далеко выше лѣвобережнаго Саратовскаго городища и указать въ документѣ, что пожня, расположенная въ Курдюмскихъ лугахъ, находится выше такого городища,—все равно, что не сказать ничего. Наконецъ, самый текстъ грамоты говоритъ, что пожня находилась гдѣ-то у самаго стараго города Саратова, въ непосредственной близости отъ него. Единственнымъ допустимымъ въ данномъ случаѣ объясненіемъ является признаніе, что во второй половинѣ XVII в. саратовцамъ было извѣстно и памятно мѣстоположеніе стараго Саратова, не того лѣвобережнаго Саратова, который въ 1623 г. посѣтилъ Котовъ и въ 1636—38 видѣлъ Оларій, а именно стараго, правобережнаго Саратова, построеннаго въ 1590 г. воеводами Туровымъ и Засѣкинымъ, погибшаго въ смутное время, и на развалинахъ котораго въ 1614 г. стрѣльцы искали поклажъ и ямы рыли. При такомъ допущеніи становится понятной и та фраза наказной памяти 23 мая 1614 г., которая до сего времени такъ трудно поддавалась толкованію и вела къ ошибочнымъ заключеніямъ. Эта фраза: „заѣзжали есте на Саратовское городище и копали ямы и искали поклажевъ, а отъ городища заѣзжали къ Саратову близко десять верстъ.“ Если это городище было гдѣ-то въ Курдюмскихъ лугахъ, выше позднѣйшаго Саратова, то, конечно, стрѣльцы сначала заѣзжали на него, а потомъ къ Саратову. Если же признать, что мѣстомъ своеобразныхъ стрѣлецкихъ археологическихъ раскопокъ былъ Увекъ,—то стрѣльцы никакъ не могли сначала заѣхать въ Увекъ, а потомъ къ Саратову, т. к. лѣвобережный Саратовъ гораздо выше Увека и по той постепенности въ изложеніи событій, какая свойственна старинному приказному слогу, мы въ правѣ были бы ожидать въ памяти указанія не на заѣздъ съ городища въ Саратовъ, а на возвращеніе. Тоже самое и въ томъ случаѣ, если согласится съ г. Любомировымъ, что Саратовъ 1590 г. построенъ у нынѣшняго Глѣбова Оврага. Эта мѣстность также по теченію ниже лѣвобережнаго городища. Итакъ, какъ ни странно покажется это на первый взглядъ, но есть основанія думать, что нашъ Саратовъ два раза, а не одинъ, какъ полагаетъ большинство излѣдователей, мѣнялъ свое мѣсто. Построенный въ 1590 г. гдѣ то (гдѣ, постараемся показать дальше) на правомъ берегу Волги выше нынѣшняго его мѣстоположенія, онъ, послѣ гибели въ смутное время, въ 1614 г. былъ возобновленъ на лѣвомъ берегу, на стрѣлкѣ, образуемой Воложкой и Саратовкой, а отсюда (пока неизвѣстно когда) перенесенъ на то мѣсто на правой сторонѣ Волги, гдѣ существуетъ и сейчасъ. Попытаемся, насколько это въ нашихъ силахъ, разобраться въ вопросѣ, гдѣ находился правобережный Саратовъ 1590 г. Для отвѣта на этотъ вопросъ у насъ имѣется слѣдующій матеріалъ. Первое, владѣнная выпись 189 г., приведенная выше. Пожня, которая, какъ мы знаемъ изъ послѣдующихъ крѣпостныхъ документовъ на нее, находилась въ Курдюм-

скихъ лугахъ, показана здѣсь лежащей выше стараго города, около стараго города. Документъ какъ бы показываетъ намъ, что городъ былъ не внѣ луговъ, а при самыхъ лугахъ. Это видно изъ того, что для болѣе точнаго опредѣленія положенія приведено и второе указаніе, что пожня находилась „у брода“. Если бы городище находилось внѣ луговъ, за нижнемъ краемъ ихъ, то второго опредѣленія не понадобилось бы, да и опредѣленіе по городищу въ такомъ случаѣ не имѣло бы смысла. Второе указаніе имѣется въ наказной памяти 1614 г. Городище находилось „близко десяти верстъ“ отъ Саратова. Думается, нѣтъ надобности доказывать, что подъ Саратовомъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть лѣвобережный Саратовъ. Третье указаніе мы находимъ въ документахъ, напечатанныхъ въ Памятникахъ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Во второмъ томѣ „Памятниковъ“ помѣщены документы, касающіеся посольства въ Персію кн. Засѣкина. Посольство это, вслѣдствіе крушенія одного изъ судовъ, должно было провести зиму 1600—1601 г. г. въ Саратовѣ. Какъ видно изъ документовъ, одно изъ судовъ посольскаго каравана потерпѣло крушеніе 24 октября 1600 г *) „пртивъ Курдюма острова, не дошедъ до Саратова за семь верстъ“. Теперь, пользуясь географической картой постараемся опредѣлить болѣе точно мѣстоположеніе искомаго нами стараго Саратова. Такъ какъ въ дальнѣйшемъ намъ придется имѣть дѣло съ измѣреніемъ разстояній въ верстахъ, основываясь при томъ на документахъ начала XVII ст., то предварительно мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу. По общепринятому, хотя и мнѣнію старинная верста была гораздо больше нынѣшней (отъ 1½ до 2 разъ). Основано это мнѣніе, главнымъ образомъ, на статьѣ „Уложенія“, установившей мѣру версты въ 1000 трехаршинныхъ сажень **) Несомнѣнно, что официально верста и считалась въ 1000 с., но въ общепитіи, въ частности по Волгѣ, верста, какъ единица путевой мѣры, едва ли сколько нибудь значительно

*) См. напр. в. с. на стр. 113, 119 и др.

**) Верста, иначе поприще-русская путевая мѣра, упоминается въ путешеств. игумена Данила. Въ рукописяхъ XV в. пишется: „поприще сажений 7 сотъ и 50“. Спафарій въ своей „Китайской исторіографіи и географіи“ считаетъ на градусъ (степень) 80 верстъ. Магницкій, въ своей арифметикѣ, также считаетъ въ градусъ 80 старыхъ верстъ, по 750 пассивъ геометрическихъ или сажений. Поэтому, старая русская геометрическая верста равнялась почти 656 нынѣшнихъ саженямъ. Но тотъ же Магницкій показываетъ въ градусъ 60 итапійскихъ миль, по 1000 пассивъ каждая, а въ актахъ 1658 и 1697 г. г. итапійская миля считалась равною верстѣ, почему такая верста равнялась 875 нынѣшнимъ саженямъ. Отсюда будутъ понятны слова игумена Данила, что отъ Рамлы до Іерусалима 20 верстъ „великихъ“. Въ 1629 г. (слѣдов. и прежде) существовала „мѣрная“ верста въ 1000 сажень. Уложеніемъ же 1649 г. установлена верста въ 1000 сажень трехаршинныхъ. Впрочемъ, однородныя версты не были равномѣрны, какъ видно изъ „Книги большого чертежа“: „Отъ Курска положено до Кромъ 120 верстъ, а по инымъ верстамъ гадаю ихъ верстъ со 100“. Тысячная верста существовала въ теченіе почти всего XVIII в., о ней говорится во многихъ Указахъ и, между прочимъ, въ Межевой инструкціи 1754 г. Изъ указа 11 сентября 1744 г., видно, что вмѣстѣ съ тысячною верстою употреблялась верста въ 500 сажень, которая и была собственно путевую; верста эта не была тогда иновостью она упомянута въ писцовомъ наказѣ 1554 г. и содержала тогда 500 саж. „царскихъ“ Словарь Брок. и Ефр. т. XI, 1892.

отличалась от современной. Олеарій въ 1636—1638 г. г., давая разстояние въ верстахъ между различными пунктами Поволжья, показываетъ ихъ весьма близко къ современному счету. Котовъ, проплывшій по Волгѣ въ 1623 г., *) даетъ, напр., разстояние отъ Саратова до Камышина 200 верстъ, отъ Камышина до Царицына 150 в., т. е. опять таки весьма близко къ современному. Въ 1614 г. въ Самару пришелъ астраханскій выходецъ Гаврилка Омеляновъ, который въ разспросѣ, между прочимъ, показалъ, что „пришелъ онъ на Половые, отъ Астрахани полтретьяста верстъ“. **) Про Половые мы знаемъ, что это было укрѣпленіе, расположенное гдѣ-то на половинѣ пути между Царицыномъ и Астраханью. Ясно, что и здѣсь считаются версты близкія къ современнымъ. Приведенныхъ примѣровъ, думается, достаточно для обоснованія утвержденія, что въ XVII в. на Волгѣ для измѣренія пути были въ ходу версты одинаковаго протяженія съ употребляемыми нынѣ. Ни Котовъ, ни Олеарій, ни Омеляновъ лично производствомъ измѣреній не занимались, а брали готовые уже, извѣстныя разстоянія принятія до нихъ. Нѣкоторая разница по сравненію съ исчисляемыми теперь разстояніями объясняется, конечно, не разницей въ единицахъ мѣры, она была одинакова, а неточностью измѣренія, которое какъ и теперь въ большинствѣ мѣстностей на Руси, опредѣляется не землемѣрною цѣпью, а просто на глазъ. Изъ трехъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, указаній на мѣстоположеніе стараго Саратова наиболѣе точнымъ и подходящимъ для опредѣленія является указаніе наказной памяти 1614 г. По этой памяти городище находилось приблизительно на 10 верстъ выше Саратова. Если, руководствуясь этимъ мы отложимъ 10 верстъ отъ устья Саратовки вверхъ по Волгѣ, то получимъ, что старый Саратовъ долженъ былъ находиться или на мѣстѣ нынѣшняго с. Пристаннаго, или въ ближайшемъ разстояніи отъ него. Этому нисколько не противорѣчатъ показанія остальныхъ документовъ. Въ самомъ дѣлѣ, судно посольства 1600 г. было разбито за семь верстъ выше Саратова „противъ Курдюма острова“. Несомнѣнно, что островъ носилъ названіе по р. Курдюму, впадающему въ Волгу выше Пристаннаго приблизительно на 5—6 верстъ. Разсматривая карту, мы дѣйствительно находимъ при впаденіи р. Курдюма островъ и если понимать выраженіе „противъ острова“ въ смыслѣ „на уровнѣ острова“, то крушеніе должно было имѣть мѣсто противъ средней части острова, точки, отстоящей отъ с. Пристаннаго дѣйствительно на разстояніи около 7 верстъ. Получается смыслъ и опредѣленіе положенія пожни владѣнной выписи 189 г. т. к. луга спускаются ниже Пристаннаго и указаніе, что пожня была на старомъ городѣ довольно точно указываетъ мѣсто ея нахождения. Во всякомъ случаѣ мы почти увѣрены, что болѣе тщательныя археологическія изслѣдованія въ окрестностяхъ Пристаннаго не остались-бы безрезультатными и путемъ ихъ удалось-бы болѣе точно установить мѣстоположеніе стараго Саратова, которое, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать именно въ этой

*) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. т. XV, кн. 4, стр. 286—289, т. XII, кн. 1 стр. 71.

**) Акты Историч. т. III № 248.

мѣстности, а не въ какой-либо другой. Въ 26 вып. Трудовъ Саратовской архивной комиссиі *) Кротковъ и Шишкинъ описали найденный ими между д. Усть-Курдюмомъ и с. Пристаннымъ т. н. „Стенькинъ городокъ“. Къ описанію приложена карта мѣстности и планъ городка. Судя по описанію, городокъ былъ довольно сильно укрѣпленъ, по валу обнесенъ дубовымъ тыномъ, остатки котораго въ видѣ массы углей и даже полубогорѣлыхъ бревенъ сохранились на незначительной глубинѣ во рву. Городокъ, повидимому, позднѣйшаго, послѣтатарскаго происхожденія и, судя по отсутствію культурнаго слоя, былъ очень недолго обитаемъ. По массѣ же углей можно думать, что онъ погибъ отъ огня. Положеніе этого городка и только что перечисленные признаки совпадаютъ какъ-бы съ тѣмъ, что мы теперь знаемъ о старомъ Саратовѣ, т. е. что онъ былъ гдѣ-то близъ Пристаннаго, существовалъ едва какихъ нибудь 2 десятка лѣтъ и сдѣлался жертвой огня, на что намекаютъ историческіе документы, называющіе остатки его пепелищемъ. Но отъ заманчивой мысли отождествленія Стенькина городка съ городищемъ стараго Саратова насъ удерживаютъ слишкомъ незначительныя размѣры городка. Судя по размѣрамъ, приведеннымъ въ описаніи Кроткова и Шишкина, поверхность укрѣпленія занимаетъ не болѣе полдесятины. Какъ ни былъ малъ и незначителенъ Саратовъ конца XVI в., но все же онъ по своимъ размѣрамъ превосходилъ размѣры хорошей крестьянской усадьбы. Кромѣ того, на поверхности городка не найдено ни ямъ, ни какихъ-либо иныхъ слѣдовъ людскаго обитанія.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу одного выраженія владѣнной выписи 189 г. Гордеевская пожня находилась не только на старомъ Саратовѣ, но и у брода. Не было-ли въ старину въ этомъ мѣстѣ брода черезъ Волгу? Теперь намъ одна мысль о возможности переправиться черезъ нашу красавицу рѣку лѣтомъ по образу пѣшаго хожденія кажется смѣшной. Къ нашимъ услугамъ такое изобиліе средствъ переправы отъ гребныхъ лодокъ до гигантскихъ ледоколовъ включительно, что никому никогда и въ голову не можетъ притти мысль о подобной возможности. А между тѣмъ она, безъ сомнѣнія, существуетъ. Намъ извѣстны перекаты, какъ напр. Нижне Банновскій, гдѣ въ меженное время максимальная глубина не достигаетъ и 1¹/₂ аршинъ. При такихъ условіяхъ переправиться черезъ Волгу безъ всякихъ приспособленій, конечно, возможно. Въ настоящее время въ ближайшемъ разстояніи отъ Пристаннаго переката не имѣется, но при измѣнчивости теченія Волги нѣтъ ничего невѣроятнаго въ допущеніи, что три вѣка назадъ такой перекалъ могъ и быть. При этомъ допущеніи, помимо общихъ соображеній, приведенныхъ П. Г. Любомировымъ въ доказательство необходимости основанія Саратова въ 1590 году именно на правомъ берегу рѣки, присоединяется и еще одно, а именно—назначеніе новой крѣпости наблюдать за бродомъ черезъ Волгу, препятствовать кочевникамъ заволжскихъ степей проникать на горную сторону. Правда, въ данномъ случаѣ, мы изъ области фактовъ вступаемъ уже въ область догадокъ, но догадокъ имѣющихъ за собою нѣкоторое основаніе.

*) Стр. 91—96

Call 100-400